

ПЕТЕРБУРГ В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ ВЛАДИМИРА НАБОКОВА

ZOYA S. POTAPOVA

PETERSBURG IN THE EARLY WORKS BY VLADIMIR NABOKOV

Зоя Сергеевна Потапова

кандидат филологических наук

► potapova.zoya@mail.ru

Санкт-Петербургский государственный
университет,
Российская Федерация, 199034,
Санкт-Петербург,
Университетская наб., 7–9

Zoya S. Potapova

PhD in Philology

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg,
199034, Russian Federation

В статье рассматриваются ранние произведения Владимира Набокова, как прозаические, так и поэтические, написанные им в 1910–1920-е годы. Основным художественным пространством данных текстов становится Петербург, ностальгия по которому сопровождала писателя в течение всей жизни. При этом большинство текстов, не только посвященных Петербургу, но и тех, где фигурирует пространство города, созданы в эмиграции. образу Петербурга в творчестве Набокова посвятили свои исследования отечественные и иностранные литературоведы, однако материалом для их анализа в основном служили прозаические произведения, написанные после 1930 г., и чуть реже поэтические — стихотворения «Столице», «Петербург». Для настоящего исследования выбраны стихотворения, рассказы, пьеса «Человек из СССР» и роман «Машенька». Отбор был осуществлен по принципу упоминания пространства Петербурга и узнаваемых локусов, таких как Медный всадник, Нева, Мойка, Исаакиевский собор и т. п. Город встраивается в различные ассоциативные ряды, возникающие в сознании героев. В творчестве Набокова Петербург амбивалентен. С одной стороны, он показан как место счастья, где у героев прошло детство, случилась первая любовь. С другой — напрямую связан с историческими событиями: непростым ходом строительства в не предназначенной для этого болотистой местности, эмиграцией и Октябрьской революцией, которая разрушает облик прежнего Петербурга (для набокловских героев город детства перестает существовать на карте) и ставит точку в петербургской биографии персонажей.

Ключевые слова: В. Набоков, Петербург, городской текст, пространство, время.

The article is devoted to the early works of Vladimir Nabokov, both prose and poetry, written in the 1910s and 1920s. The main artistic space of these texts is Petersburg, nostalgia for which accompanied the writer throughout his life. At the same time, most of the texts, not only dedicated to Petersburg, but also those where the space of the city appears, were created in emigration. Domestic and foreign literary scholars have devoted their studies to the image of Petersburg in Nabokov's work, but the material for their analysis was mainly prose written after 1930, and a little less often poetry — the poems "To the Capital", "Petersburg." For this study, poems, stories, the play "A Man from the USSR" and the novel "Mashenka" were selected. The selection was made based on the principle of mentioning the space of St. Petersburg and recognizable loci, such as the Bronze Horseman, the Neva, the Moika, St. Isaac's Cathedral, etc. The city is integrated into various associative series that arise in the consciousness of the characters. In Nabokov's work, St. Petersburg is ambivalent. On the one hand, it is shown as a place of happiness, where the characters spent their childhood and had their first love. On the other hand, it is directly connected with historical events: the difficult course of construction in a swampy

area not intended for this, emigration, and the October Revolution, which destroys the appearance of the former St. Petersburg (for Nabokov's characters, the city of childhood ceases to exist on the map) and puts an end to the characters' St. Petersburg biography.

Keywords: Vladimir Nabokov, St. Petersburg, urban text, space, time.

Введение

Петербург Набокова — образ, пространство, особый художественный локус, который существует наряду с Петербургом А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, А. Белого, А. Блока. В творчестве Набокова город приобретает индивидуально-авторские черты, сформировавшиеся под влиянием исторической эпохи и личной судьбы. Петербург входит в канву творчества писателя парадоксально, но плотно в ней обосновывается. В силу того, что Владимир Набоков (1899–1977) провел в Петербурге свои детские и юношеские годы и покинул город навсегда в 1917 г., здесь им были написаны только самые ранние произведения. Из них известны 68 стихотворений из сборника «Стихи», вышедшего в 1916 г. Стихотворения, написанные до эмиграции для альманаха «Два пути», а также произведения, позже вошедшие в сборники «Гроздь» и «Горний путь», были созданы уже в Крыму. Таким образом, основная часть текстов появилась, когда автор переживал разлуку со своей малой родиной, то есть Набоков пишет о Петербурге, уже не находясь в городе, однако Петербург становится активным образом его произведений: действует, влияет на поступки персонажей, вызывает чувство сиротства у людей, покинувших город и тем самым будто оставивших рай («изгнанных из рая»).

Цель. Состояние изучения вопроса.

Методы

Материалом настоящего исследования стали ранние произведения Владимира Набокова, написанные им в Петербурге-Петрограде и в первое десятилетие после отъезда из России, в эмиграции. Поставлена цель — проследить, как в произведениях писателя 1910–1920-х годов зарождается образ родного города, как этот образ меняется

в переломный для страны момент и как первый, начальный период творчества Набокова предопределил дальнейшие направления развития авторских образов и сюжетов.

Рассмотрению образа Петербурга в творчестве Набокова посвящали свои исследования П. Тамми [Тамми 1992], А. Долинин [Долинин 2004], К. Бланк [Бланк 1999], Д. А. Мухачёв [Мухачёв 2021], О. Ю. Уиллис [Уиллис 2008], Т. С. Криволицкая [Криволицкая 2008].

Фундаментальную базу анализа пространственной организации, городского текста, петербургского текста в русской литературе составляют труды В. Н. Топорова [Топоров 2003], М. Ю. Лотмана [Лотман 1984].

Феномен городского петербургского пространства в творчестве В. Набокова изучен достаточно подробно. Однако исследования литературоведов в большей степени сосредоточены на поздних произведениях автора, созданных в берлинский и американский периоды, и касаются крупных эпических жанров, реже — малой прозы, избранных рассказов. В данном исследовании предпринята попытка проанализировать художественное пространство самых ранних набоковских произведений. Для анализа были взяты написанные в 1910–1920-е годы стихотворения, рассказы, пьеса, а также один роман, в которых фигурирует образ Петербурга.

Основными методами, которые использовались, стали описательный, структурный, сравнительный, аналитический, а также биографический анализ.

Обсуждение

«Стихи», первый авторский сборник, включает в себя одни из самых ранних стихотворений Владимира Набокова, написанных им до 1916 г. Основной темой книги становится история влюбленности юноши в девушку, при этом рассказ о взаимоотношениях молодых людей, погружения в воспоминания сопровождаются описаниями и обращениями к пространству, воспринимаемому лирическим героем как личное, ставшее декорацией развития первого романа. Влюбленность,

встречи героев ранних стихотворений происходят не только на лоне природы, но и в городе. Петербург в ранних стихотворениях Набокова — романтическое пространство, пространство-наследник, сохранившееся в памяти таким, как его изобразили поэты и писатели XIX в. Хронотоп Петербурга становится сюжетообразующим в раннем творчестве Набокова. Хрестоматийный образ реки Невы, один из главных символов города, давший неофициальное название и в то же время прославивший город, символизирует вечность. Река, с одной стороны, олицетворяет быстротечность, включает в себя понятия движения, скорости, с другой стороны — самая постоянная, неизменная часть города. Испокон веков она входит в городское пространство, но в отличие от дворцов, домов, парков, узнаваема, служит связью между поколениями: «Орлы мерцают вдоль опушки. / Нева, лениво шелестя, / как Лета льется. След локтя / оставил на граните Пушкин» («Санкт-Петербург») [Набоков 1916]. Прогулки у Невы дают лирическому герою возможность погрузиться в свои романтические размышления, мечты и воспоминания, река дарит ему спокойствие, ощущение нереальности происходящего, будто уносит из повседневного состояния: «Золотые змейки дрожат в качелях / Фиолетово-черной воды, а там, / Где созвездья тонут в лучистых трелях, / Отвечает безбрежность моим мечтам» («У дворцов Невы я брожу, не рад...») [Набоков 1916]. Однако шум города, гул, «звонки трамвая» постоянно возвращают героя обратно, вызывают в нем чувство негодования и заставляют балансировать между суетой и покоем, где герой выбирает последнее. Контраст душевного спокойствия человека в центре Петербурга у берегов Невы и тревожность от непрекращающегося шума определяют основной мотив раннего творчества Набокова — амбивалентность отношения героя к Петербургу и двойственность образа города, способного включать в себя полярные смыслы и категории. В. Н. Топоров в своем исследовании «Петербургский текст русской литературы» указывает на эту особенность пространства Петербурга, отмечает, что ему характерны «антитетичность и антиномичность», «двуполюсность» [Топоров 2003: 8].

Интертекстуальному образу Невы сопутствует образ гранита, который в творчестве В. Набокова воспринимается как архетипический («Невы державное течение, / Береговой ее гранит» («Медный всадник») [Пушкин 1976: 297]. У Набокова: «Боязливо барки в реке скрипят, / Полуволны плещут, гранит лаская» («У дворцов Невы я брожу, не рад...») [Набоков 1916]; «Отдал бы я полмира, / чтоб снова увидеть мир яркий, молодой, / который видел я, когда ходил зимой / вдоль скованной Невы великолепным утром! / Снег, отливающий лазурью, перламутром, / туманом розовым подернутый гранит, — / как в ранние лета все нежит, все пленит!» («Детство») [Сирин 1922: 96]; «Морская улица. Под аркой, / на красной внутренней стене / бочком торчат, как гриб на пне, / часы большие. Синью жаркой, / перед дворцом, на мостовой / сияют лужи, и ограда / в них отразилась. Там, вдоль сада, / над обольстительной Невой, / в весенний день пройдешь, бывало: / дворцы, как призраки, легки, / весна гранит околдовала, / и риза синяя реки / вся в мутно-розовых заплатах. / Два смуглых столбика крылатых / за ней, у биржи, различишь» («Петербург» («Так вот он, прежний чародей...»)) [Набоков 1921].

Образ Невы становится одним из ключевых в формировании цельного пространства города — Петербурга Набокова («И книгу о любви, о дымке над Невой, / о неге роз и море мгlistом / я перелистывал — и чуял образ твой / в стихе восторженном и чистом» («Мечтал я о тебе так часто, так давно...», сборник «Гроздь») [Набоков 1990а: 27]. Топография его ранних произведений сосредоточена вокруг Большой Морской, основные локусы находятся в непосредственной близости (иногда и в пешей доступности) от дома Набокова. Владимир Владимирович появился на свет на втором этаже особняка, расположенного по адресу: ул. Большая Морская, д. 47, в котором прожил до Октябрьской революции (до отъезда в Крым) и который считал единственным домом в своей жизни. Именно этот дом становится центрообразующим для Петербурга Набокова, он собирает, будто стягивает все пространство, все пункты на карте в своеобразную точку отсчета, место, откуда начинаются прогулки, расходятся дороги и где возникает набоковский Петербург:

«Перистым вылился узором, / лучистой выгнулся дугой, / и мандаринами и бором / в гостиной пахнет голубой» («Рождество», сборник «Гроздь») [Набоков 1990а: 30]. Основным ранним произведением, где Петербург — это город, в центре которого расположен родной дом писателя, является поэма «Детство» (1918). Петербург в ней «сжимается» до размеров дома, а дом, в свою очередь, служит синонимом детства, таким образом, Петербург для лирического героя — город детства, счастья, беззаботности, детских воспоминаний: «Я помню дом большой, / я помню лестницу, и мраморной Венеры / меж окон статую, и в детской полусерый / и полужолотой непостоянный свет» («Детство») [Сирин 1922: 95].

Романтические переживания лирического героя сопровождаются созерцанием природы, которая как бы вторит персонажам, сочувствует им («Безоблачная высь и тишина... / Голубоватый снег; оцепененье; / Ветвей немых узорное сплетенье — / Моя страна — волшебная страна» («Сонет», альманах «Два пути») [Набоков 1918], а бессонное время влюбленного юноши совпадает с белыми ночами — еще одной характерной чертой Петербурга, архетипом, формирующим единое пространство: «Белая ночь родилась в кровавой колыбели... / Город, усыпая, бредил и вздыхал... / Только тобой не жил ли и шел я не к тебе ли? / Губы не твои ли в грезах целовал?...» («Жду на твоём пороге, в грядущем грезой рея...») [Набоков 1916].

Петербург, будучи местом, где герои ранних произведений Набокова переживают первую влюбленность, задает временные рамки, что позволяет говорить о хронотопе в рассматриваемых произведениях. Так, Петербург — это и пространство, и время; и место действия, и время юных лет героев. Однако каждое обращение лирического героя к впечатлениям от пережитой любви — это вечное возвращение, прозрачное воспоминание о своих ранних бесхитростных чувствах: «...в апреле лет моих, в прелестные лета, / на севере земли...» (Е. Л.) [Сирин 1923а]. Петербург здесь появляется в полунамеке, читатель может только догадываться, о каком локусе идет речь, проводить параллели с известными признаками Петербурга, ставшими стереотипными, клишированными.

Для Набокова Петербург стал местом свиданий с Валентиной Шульгиной. В сборнике «Горный путь» (1923) произведение «В. Ш.» отражает впечатления юного поэта, хранит воспоминания о знаковых для пары местах: «...иль там, у дворца, под аркой, / средь лунных круглых теней, / мы встретимся вновь...» [Сирин 1923а]. В ранних набоковских стихотворениях город неразрывно связан с воспоминаниями о первых чувствах, он хранитель секрета юных влюбленных, изучивших закоулки, тайные, символические для молодых людей места. Однако и в любовной лирике Набоков укрепляет впечатление о Петербурге как об амбивалентном городе: «...город, желанный и жуткий...» («В. Ш.») [Сирин 1923а]. Петербург Набокова сочетает в себе положительное и отрицательное, он и влечет, и отталкивает, дарит приятные мгновения, которые переходят в теплые воспоминания, но и становится аренной политических событий, центром слома эпох, изменившего мир, городом, по которому проходит некая невидимая граница, разделившая сознание и жизнь набоковских героев на до и после, однако при этом и отразившаяся на самом городе, ставшем другим, неузнаваемым, утратившем следы прошлых встреч: «...о том, что дома на Мильонной / на вид уж совсем не те» («В. Ш.») [Сирин 1923а]. С изменением времени происходит изменение облика пространства, город набоковских героев перестает существовать на карте: «Повсюду выросла и сгнила / трава. Средь улицы пустой / зияет яма, как могила; / в могиле этой — Петербург...» («Петербург» («Так вот он, прежний чародей»)) [Набоков 1921]. Вместе с улицами, хранящими воспоминания («Они встретились под той аркой, где — в опере Чайковского — гибнет Лиза» («Машенька») [Набоков 1990b: 83], «...он жил на Английской набережной, она на Караванной» («Машенька») [Набоков 1990b: 83]), он становится ирреальным пространством, городом-призраком, настигающим набоковских героев в новой жизни («Судьба в этот последний августовский день дала ему наперед отвесть будущей разлуки с Машенькой, разлуки с Россией» («Машенька») [Набоков 1990b: 83]). Наделенный амбивалентными чертами, для набоковских героев Петербург

теряет свою идентичность, превращается в переходное пространство: из прошлого в настоящее, из одной эпохи в другую, из прежней, осязаемой реальности в пространство снов, бреда и воспоминаний. Символично и то, что город утрачивает свое название, в буквальном смысле стертое с мировых карт, а на его месте появляется новый город, получающий промежуточное наименование, выражающее шаткость положения, реальности, жизни героев, подчеркивающее чуждость персонажей этому городу и предрекающее им скорый отъезд: «Зубной врач И. С. Вайнер. Из Петрограда» (рассказ «Звонок») [Набоков 2019: 238]. Хронотоп города строится на основе антитезы: прошлое — настоящее, старое — новое, свое — чужое (родное — чужое), счастье — горе. В поэме «Детство» разрушение набоковского петербургского мифа сопоставимо с окончанием детства. Повзрослевший герой оказывается в ином городе, города детства уже не существует в реальности, меняется угол зрения героя, а вместе с ним и Петербург: «Увы! Все, все теперь мне кажется другим: / собор не так высок, и в сквере перед ним / давно деревьев нет, и уж шаров воздушных, / румяных, голубых, всем ветеркам послушных, / на серой площади никто не продает... / Да что и говорить! Мой город уж не тот...» («Детство») [Сирин 1922: 97].

В сборнике «Горний путь», вышедшем уже в Берлине, в эмиграции, Набоков меньше обращается к образу Петербурга, почти не фокусируясь на конкретных местах, которые позволили бы выстроить ассоциативный ряд, создать еще один фрагмент карты города. В книге собраны стихотворения, написанные не только в Крыму (еще до отъезда из страны), но и в Стамбуле, Париже, Кембридже, Берлине. Произведения в ней более пропитаны южными образами. Однако в сборнике усиливается мотив родины, автор обращается к обобщенному образу страдающей России: «корчится черная Русь», «Обойдемся и так, без Руси!» («Вьюга») [Сирин 1923а]. Поэт неоднозначен в своих оценках, его переживания и мысли мечутся между тоской по прошлому, «по утраченному раю», и гневом, отождествлением родины и политического режима, он как бы переносит свои чувства несправедливости и несогласия с новой властью,

с историческими событиями на пространство страны в целом. Ведущими становятся ностальгические ноты, они задают тон стихотворениям: «...так же ль березы шумят на Руси? <...> так же ль на родине реки ясны?» («По саду бродишь и думаешь ты...») [Сирин 1923а]; «...За полем вспыхнет день / на крышах, имена оврагов, деревень / чирикнут в памяти, простые, дорогие... / И это вещей путь. И это ты — Россия» («Лес») [Сирин 1923а]; «О, звуки, полные былого! / Мои деревья, ветер мой, / и слезы чудные, и слово / непостижимое: домой!» («Домой») [Сирин 1923а]; «...(Голуби. Двор постоялый. / Ржавая вывеска: Русь.) / скажешь ты Богу: я дома!» («Люdiam ты скажешь: настало...») [Сирин 1923а]; «... мою неведомую Русь / пойду отыскивать смиренно <...> Русь! иль во мне, и душе самой / уж расцветашь ты незримо?» («Русь») [Набоков 1990а: 48]; «О, прошлое мое, я сетовать не вправе! / О, Родина моя, везде со мною ты! / Есть перстень у меня: крупница красоты, / росинка русская в потускневшей оправе...» («Ты видишь перстень мой? За звезды, за каменья...», сборник «Гроздь») [Сирин 1923b]. Этот мотив появляется и в берлинских рассказах Набокова, а также в пьесе «Человек из СССР». Герои стремятся на родину, надеются туда вернуться и в то же время ощущают утопичность своих мыслей: «Он говорил о том, что жить еще, слава Богу, Хренов будет долго, что в Россию все вернуться к весне с журавлями» [Набоков 2019: 134]; «Хренов жадно и тяжело выпил. Сказал: / — Это ужасно, если я никогда не вернусь» [Набоков 2019: 137]; «По темно-бирюзовой воде плыли отблески облаков — и Наташе вдруг показалось, что они в России, что нельзя быть вне России, когда такое горячее счастье сжимает горло» («Наташа») [Набоков 2019: 141]; «Этой мишуры теперь негде купить, елок не сваливают больше под тенью Исакия...» («Рождественский рассказ») [Набоков 2019: 272]; «Но я только пешка. Мое дело сводится к таким пустякам. Я ничего не знаю. Ты мне ничего не хочешь рассказать. Я не желаю быть пешкой. Я не желаю заниматься передаванием писем. Ты обещал мне, Алеша, что возьмешь меня с собой в Россию...» («Человек из СССР») [Набоков 1926].

Для раннего творчества Владимира Набокова не характерно обращение к истории Петербурга

(что можно сказать и в целом о его творчестве), к сюжетам прошлых веков. Как правило, герой писателя, в том числе лирический герой стихотворений, — его современник, находящийся в одном с автором пространстве. При этом в сборнике «Горный путь» появляется не характерное для Набокова стихотворение «Петр в Голландии» (1919). В нем Набоков обращается к истокам, к истории не только появления, но и замысла города на Неве. В произведении еще нет образа Петербурга, но есть предчувствие о нем: «Из Московии суровой / он сюда перешагнул. / Полюбил он моря гул...» [Набоков 1990а: 37]. Более позднее стихотворение «Петербург» (1922) также возвращает читателя к временам основания города, однако описание Петербурга наполнено отрицательно окрашенными эпитетами, он предстает здесь как потустороннее, мифологизированное пространство, часть подземного царства: «Он на трясине был построен <...> он вырос — холоден и строен, / под вопли нищих похорон», «до срока тайного скрывался / мир целый, — мстительно-живой <...> Дышал он смертною отравой, / весь незаконных полон сил <...> раскрывшись, бездна отдавала замороженных мертвецов» [Набоков 1922]. В финале стихотворения вновь разрушается миф о Петербурге, как и сам город. Поэт показывает историю зарождения и умирания города, который вновь уходит в болото, в чем таится высшая справедливость, и параллели с историческими событиями 1917 г.: «И пошатнулся всадник медный, / и помрачился свод небес, / и раздавался крик победный: / “Да здравствует болотный бес”» («Петербург») [Набоков 1922]. Изображение гибели и обреченности города у Набокова наполнено интертекстуальными отсылками к Петербургу А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского и Д. С. Мережковского. «Наличие в произведениях В. Набокова указаний, цитат, вызывающих у читателя различные ассоциации, способствует раскрытию глубинного смысла текста: интертекстуальность исполняет роль путеводной нити. <...> События, происходящие в описываемой действительности, предстают в результате интертекстуальных переключек» [Художественная речь 2018: 60]. А. Долинин подчеркивает в описании города

роль противопоставления двух миров, природных и человеческих сил: «Историческая гибель Петербурга осмысливается молодым Набоковым в символистском духе как демоническая месть “мертвецов”, на чьих костях построен город, как победа сил хаоса и мрака — “болотного беса” — над творческой волей. В революции, уничтожившей Петербург, Набоков видит осуществление эсхатологических пророчеств» [Долинин 2004: 348]. На эсхатологическую природу города, подобного Петербургу, указывал еще Ю. М. Лотман: «Эксцентрический город расположен “на краю” культурного пространства: на берегу моря, в устье реки. Здесь актуализируется не антитеза земля/небо, а оппозиция естественное/искусственное. Это город, созданный вопреки Природе и находящийся в борьбе с нею, что дает двойную возможность интерпретации города: как победы разума над стихиями, с одной стороны, и как извращенности естественного порядка, — с другой. Вокруг имени такого города будут концентрироваться эсхатологические мифы, предсказания гибели, идея обреченности и торжества стихий будет неотделима от этого цикла городской мифологии» [Лотман 1984: 31].

Малая проза Набокова написана им уже после отъезда из Петрограда. В те годы тематике и стилистике эмигрантской литературы, формирующейся в 1922–1923-х годах и призванной «сохранить старую Россию, любовно описать то прошлое, которое безвозвратно исчезло» [Художественная речь 2018: 6], противопоставлена зарождающаяся советская литература, что позволяет говорить о наметившихся различных путях развития русской литературы: «Какое же конкретное наполнение получает подобная организация текста в 20-е годы, в первое послереволюционное десятилетие? В одних случаях сущностная модель мира понята как коммунистический идеал. <...> В других — мы наблюдаем трудный творческий процесс художественного постижения новой послереволюционной действительности и сопоставление ее с гуманистическими идеалами, с тем, что не расчлняется на прошлое и настоящее, а составляет самую сущность бытия» [Анализ художественного текста 2018: 13]. Для Набокова же с этих пор Россия становится прошлым,

а Петербург появляется только в воспоминаниях, снах героев, предстает как мимолетное впечатление, ассоциация. С этого момента Петербург для героев Набокова — это покинутое, оставленное место, пространство минувшего, откуда родом персонажи автора, герои-эмигранты («Я ничего не знаю. Третьего дня из Петербурга приехала» («Случайность»)) [Набоков 2019: 93]. В городе былой жизни герои не только переживали самые счастливые моменты, решали проблемы, сталкивались с трудностями, но и каждый их день был полон бытовых задач и проблем. В эмиграции, за границей, они вспоминают не яркие, выдающиеся события, а именно повседневность, простые радости и простые вещи («Когда-то на Невском проспекте оборванцы продавали особого рода щипцы. Этими щипцами было так удобно захватить и вытянуть яйцо из горячей темно-синей или оранжевой жидкости» («Пасхальный дождь»)) [Набоков 2019: 119]. Такую же окраску Петербург приобретает и в глазах героев-иностранцев, проведших годы в России. Для иностранных персонажей Набокова Петербург не только существует как исторически значимое пространство, но и нанесен на культурную карту мира и неразрывен в этом отношении с европейской историей искусства, что отличает его от других российских городов, выделяет из общерусского пространства и позволяет говорить о подчеркнутой самооценности города в творчестве Набокова («Мне выпало на долю счастье осмотреть все картинные галереи в Европе — от Гааги до Петербурга и от Лондона до Мадрида» (слова Магора из рассказа «Венецианка»)) [Набоков 2019: 155]). Город будто обволакивает персонажей, завораживает их, проникает в их суть, «заражает» людей, живших или бывавших в нем когда-то, после чего они через всю свою жизнь проносят воспоминание о нем. Так же, как и героев-эмигрантов («Хотелось молчать, думать о своем, говорить одними взглядами <...> о домово́й церкви на Почтамтской» («Пасхальный дождь»)) [Набоков 2019: 121]), иностранцев преследуют вспышки воспоминаний, образы города догоняют их: «Петербург покинула она со смутным облегчением — как только началась война. <...> А вышло как раз наоборот; настоящая ее жизнь — то есть та часть

жизни, когда человек острее и глубже всего привыкает к вещам и к людям, — протекла там, в России, которую она бессознательно полюбила, поняла и где ныне Бог весть что творится...» («Пасхальный дождь»)) [Набоков 2019: 119]. Так, Петербург обретает еще одну коннотацию: он синонимичен отъезду, оставлению родины, расставаниям, горю, потере близких и образует цепочку негативных воспоминаний и ассоциаций: «Семь лет прошло с тех пор, как он с нею расстался. Господи, какая суতোлка на Николаевском вокзале! Не стой так близко, сейчас поезд тронется. Ну вот — прощай, моя хорошая...» («Звонок»)) [Набоков 2019: 236].

Для героев, находящихся в эмиграции, Петербург и жизнь в нем выступают мерилем всего настоящего и будущего. Даже в произведениях, где местом действия оказывается европейский город, Петербург появляется словно в дымке, он иллюзорное, параллельное пространство, которого уже нет на карте, он живет лишь в сознании героев: «И мне вспоминается, как, лет восемнадцать тому назад, в Петербурге, отпрягали лошадей, вели их вокруг пузатой синей конки» («Путеводитель по Берлину»)) [Набоков 2019: 207].

Узнаваемые места имеют значения символов, главные образы города, сыгравшие в жизни героев знаковую роль, любимые ими, возникают как вспышки: упоминания о них кратки, обрывочны, фрагментарны, рассчитаны на ассоциативное восприятие, они появляются в чередующейся цепочке воспоминаний-ассоциаций и становятся одним из звеньев, которые восстанавливают в сознании героев картину прошлой жизни: «Как сказочен был свет сквозь арку над Галерной!» («Детство»)) [Сирин 1922: 96]; «Я рассматривал — в сотый раз — толстое стеклянное пресс-папье: внутри стекла — розовая лазурь и Исакий в золотых песчинках» («Звуки»)) [Набоков 2019: 30]; «...смутный блеск Исакия...» («Пасхальный дождь»)) [Набоков 2019: 122]; «Вчера в ресторане “Квисисана” был задержан купец второй гильдии Ерошин» («Звуки»)) [Набоков 2019: 30]; «В чудесную и печальную даль уплыл твой дом с его крылатым роялем, пыльными томами “Живописного обозрения”» («Звуки»)) [Набоков 2019: 36]; «Мне сперва казалось, что эдакий ночной кабак, подвал вроде “Бродячей Собаки”,

будет чем-то особенно привлекательным» [Набоков 1926]¹.

Слова, которые наиболее часто сопутствуют созданию образа Петербурга, его описанию, — «воспоминание» и однокоренные: «...черные тучи — и воспоминанья пасхальные» («Пасхальный дождь») [Набоков 2019: 122]; «Странно: я сам решил, в предыдущем письме к тебе, не вспоминать, не говорить о прошлом <...> с первых же строк, пренебрегаю правом прекрасного несовершенства, оглушаю эпитетами воспоминание...» («Письмо в Россию») [Набоков 2019: 190]; «Мне ужасно напомнило Петербург» («Звонок») [Набоков 2019: 243]. Петербург здесь принимает обличье города-призрака, который герои могут посетить в пограничном состоянии (в бреду, во сне), наиболее близком к ирреальному, мистическому, когда человек не осознает, не сковывает себя физическими законами и уносится туда, где его мысли, в пространство, где ему было хорошо: «И потом опять запестрели бредовые сны, катилось ландо по набережной, Элен лакала с деревянной ложки горячую яркую краску, и широко сияла Нева, и Царь Петр вдруг спрыгнул с медного коня, разом опустившего оба копыта, и подошел к Жозефине, с улыбкой на бурном, зеленом лице, обнял ее — поцеловал в одну щеку, в другую» («Пасхальный дождь») [Набоков 2019: 123]. В целом Петербург для героев Набокова — это пространство, где им было комфортно и радостно, где прошли лучшие годы их жизни, где они были рядом с близкими людьми. Пространство заграницы, напротив, становится местом, которое разлучает не только с родиной, но и персонажей, пытающихся встретиться, друг с другом («Ганин глядел на легкое небо, на сквозную крышу — и уже чувствовал с беспощадной ясностью, что роман его с Машенькой кончился навсегда. Он длился всего четыре дня, — эти четыре дня были, быть может, счастливейшей порой его жизни. Но теперь он до конца исчерпал свое воспоминанье, до конца насытился им, и образ Машеньки остался вместе с умирающим старым поэтом там, в доме теней, который сам уже стал воспоминаньем» («Машенька») [Набоков 1990b: 111–112]).

Пространство Петербурга в творчестве Набокова пропитано автобиографическими чертами.

Д. А. Мухачёв в своем исследовании «Визуальная поэтика Петербурга в творчестве В. В. Набокова (русский период)» также указывает на важнейшую роль биографии писателя, в творчестве которого образ Петербурга формируется сознанием не только героя и повествователя, но и автора, утрата связи с городом символизирует потерю рая, которым было детство писателя [Мухачёв 2021].

Читатель, следуя за героями из произведения в произведение, будто создает условную карту набоковских мест, берущих начало в его жизненной истории, в его биографии. Так, Набоков в основу своих произведений закладывает пережитое им самим, пишет о том, о чем сам хорошо знает и помнит: «Жозефина подумала — не пойти ли все-таки в церковь? Но так случилось, что в Петербурге она только бывала в красной кирке, в конце Морской улицы» («Пасхальный дождь») [Набоков 2019: 122]. Описания Петербурга в творчестве Набокова позволяют обнаружить переключки с личным опытом писателя, указывают на автобиографичность как его прозы, так и поэзии. Целостность набоковских текстов, смыслов обретается во взаимопроникновении художественного и реального, биографического. «Текст является сложным образованием, которое передает не только сообщение о действительности, но и информацию, проявляющую позицию субъекта речи. Эти составляющие смысла текста, взаимодействуя, участвуют в формировании его целостности» [Текст 2011: 28]. К. А. Рогова отмечает, что для представителей русской эмиграции первой волны, к которым относится и Владимир Набоков, характерно «приближение к реальности (хотя бы воображаемой) и проявление личного отношения к сообщаемому при высокой эмоциональной и интеллектуальной наполненности этого отношения» [Художественная речь 2018: 11]. Идентификация описанных Набоковым точек Петербурга дает возможность нанести их на карту и увидеть, что они сосредоточены рядом с Невским проспектом, с домом Набоковых на Большой Морской, на территории бывшей Морской слободы (см. рисунок): «...а купол в дымке голубой, / да цепь домов веселых, хмурых, / оливковых, лимонных, бурых, / и кирку, будто паровоз / в начале улицы, над Мойкой» («Петербург»

Рис. Карта центра Санкт-Петербурга (современная) с обозначением мест, которые упоминает в своем раннем творчестве В. Набоков. Источник: URL: <https://2gis.ru/> (дата обращения: 31.10.2024)

(«Так вот он, прежний чародей...») [Набоков 1921]; «Я думал найти того доктора Вайнера, который жил до революции на Мойке. Промахнулся, — простите. — Ах, — это однофамилец, — сказал дантист. — Однофамилец. Это однофамилец. Я жил на Загородном» («Звонок») [Набоков 2019: 239].

Некоторые образы города позже появятся в автобиографической книге «Другие берега», что позволяет говорить о диалогичности творчества Набокова, о той постоянной переключке, диалоге, в котором находятся произведения писателя, о героях, переходящих из произведения в произведение, сквозных образах: «...когда, бывало, морозным петербургским утром встречались мы в пыльном, маленьком, похожем на табакерку музее Суворова. Как славно целовались мы за спиной воскового гренадера! А потом, когда выходили из этих старинных сумерек, как обжигали нас серебряные пожары Таврического сада» («Письмо в Россию») [Набоков 2019: 190]; «Мы сживали

на скамейках в Таврическом Саду, сняв сначала ровную снежную попону с холодного сидения, а затем варежки с горячих рук. <...> Постепенно из больших и знаменитых музеев мы переходили в маленькие, в Музей Суворова, например» («Другие берега») [Набоков 1990с: 261–262].

Выводы

Таким образом, в настоящем исследовании проведен анализ ранних произведений 1910–1920-х годов, написанных Владимиром Набоковым в России и в Германии. В этих текстах Петербург показан автором как город-дом, город детства, счастья, первой влюбленности, но в то же время город революций, разрушений, место, где вершится история, покинутое пространство. Перспектива данного исследования видится в возможности рассмотреть особенности трансформации образа Петербурга и родины в целом в более поздних произведениях писателя.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ В комментариях к «Полному собранию рассказов» редактор А. Бабилов дает подробное описание реалий: Ресторан «Квисисана» — «В Петербурге было два ресторана с таким названием (первый закрылся в 1914 г.). У Набокова имеется в виду тот, что был открыт на Невском проспекте в здании отделения “Московского купеческого банка”, недалеко от особняка Набоковых на Большой Морской» [Набоков 2019: 716]; «Живописное обозрение» — «еженедельный художественно-популярный журнал. Начал выходить в Петербурге в 1872 году под названием “Живописное обозрение стран света”» [Набоков 2019: 716]; «Бродячая Собака» — «знаменитое литературное кабаре Петербурга, официально называвшееся “Художественное общество Интимного театра” (1911–1915)» [Набоков 1926].

ИСТОЧНИКИ

Набоков 1916 — Набоков В. *Стихи*. Петроград: Юнион. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Стихи_\(сборник_Набокова,_1916\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Стихи_(сборник_Набокова,_1916)) (дата обращения: 14.05.2024).

Набоков 1918 — Набоков В. *Альманах «Два пути»*. URL: https://4italka.site/poeziya/poeziya_prochee/271666/fulltext.htm?ysclid=lw6h4nqjgr970290817 (дата обращения: 14.05.2024).

Набоков 1921 — Набоков В. *Петербург*. URL: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/stihi/258.htm?ysclid=lw6gx0ijxn962664565> (дата обращения: 14.05.2024).

Набоков 1922 — Набоков В. *Петербург*. URL: <https://www.culture.ru/poems/21766/peterburg> (дата обращения: 14.05.2024).

Набоков 1926 — Набоков В. *Человек из СССР*. URL: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/piesa/chelovek-iz-sssr/ussr.htm?ysclid=lbw6j0d68az78508428> (дата обращения: 14.05.2024).

Набоков 1990a — Набоков В. *Круг*. Л.: Художественная литература, 1990. 544 с.

Набоков 1990b — Набоков В. *Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1. Машенька*. М.: Правда, 1990. 416 с.

Набоков 1990c — Набоков В. *Собрание сочинений. В 4 т. Т. 4. Другие берега*. М.: Правда, 1990. 480 с.

Набоков 2019 — Набоков В. *Полное собрание рассказов*. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2019. 752 с.

Пушкин 1976 — Пушкин А. С. *Стихотворения и поэмы*. М.: Художественная литература, 1976. 319 с.

Сирин 1922 — Сирин Вл. *Детство*. В сб.: *Литературный альманах «Грани». Книга первая*. Берлин, 1922. С. 93–100.

Сирин 1923a — Сирин В. *Горный путь*. URL: https://libbook.me/gornii_put?ysclid=lw6he9y3ir501141185 (дата обращения: 14.05.2024).

Сирин 1923b — Сирин В. Ты видишь перстень мой. В сб.: *Гроздь*. URL: <https://www.culture.ru/poems/21773/ty-vidish-persten-moi?ysclid=lw6hrvdvnp671315689> (дата обращения: 14.05.2024).

ЛИТЕРАТУРА

Анализ художественного текста 2018 — *Анализ художественного текста. Русская литература XX века: 20-е годы*.

Рогова К. А. (отв. ред.). СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2018. 286 с.

Бланк 1999 — Бланк К. Петербург, Крым и миф вечно-го возвращения («Машенька» и «Евгений Онегин»). В сб.: А. С. Пушкин и В. В. Набоков: сб. докл. междунар. конф. СПб., 1999. С. 139–145.

Долинин 2004 — Долинин А. *Истинная жизнь писателя Сирин*. СПб.: Академический проект, 2004. 400 с.

Криволицкая 2008 — Криволицкая Т. С. «Городской текст» русских романов В. Набокова 1920–1930-х годов. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 217 с.

Лотман 1984 — Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города. В сб.: *Семиотика города и городской культуры. Петербург*. Тарту: Тартуский государственный университет, 1984. Вып. 664. С. 30–46.

Мухачёв 2021 — Мухачёв Д. А. *Визуальная поэтика Петербурга в творчестве В. В. Набокова (русский период)*. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2021. 192 с.

Текст 2011 — *Текст: теоретические основания и принципы анализа*. Рогова К. А. (ред.) СПб.: Златоуст, 2011. 561 с.

Топоров 2003 — Топоров В. Н. *Петербургский текст русской литературы*. СПб.: Искусство-СПб, 2003. 614 с.

Уиллис 2008 — Уиллис О. Ю. *Поэтика городского пейзажа в прозе В. В. Набокова русского периода творчества*. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 193 с.

Художественная речь 2018 — *Художественная речь русского зарубежья: 20–30-е годы XX века: Анализ текста*. Рогова К. А. (ред.). СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2018. 326 с.

Tammi 1992 — Tammi P. The St. Petersburg Text and Its Nabokovian Texture. *Studia Slavica Finlandensia*. 1992, (19): 128–164.

REFERENCES

Анализ художественного текста 2018 — *Analysis of literary text. Russian literature of the 20th century: 20s*. Rogova K. A. (ed.). St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2018. 286 p. (In Russian)

Бланк 1999 — Blank K. St. Petersburg, Crimea and the myth of eternal return (“Mashenka” and “Eugene Onegin”). In: *A. S. Pushkin i V. V. Nabokov: sbornik dokladov mezhdunarodnoi konferentsii*. St. Petersburg, 1999. P. 139–145. (In Russian)

Долинин 2004 — Dolinin A. *The Real Life of the writer Sirin*. St. Petersburg: Akademicheskii proekt Publ., 2004. 400 p. (In Russian)

Криволицкая 2008 — Krivolutskaia T. S. “Urban text” of Russian novels by V. Nabokov of the 1920s–1930s. PhD thesis in Philology. Moscow, 2008. 217 p. (In Russian)

Лотман 1984 — Lotman Iu. M. Symbols of St. Petersburg and problems of semiotics of the city. In: *Semiotika goroda i gorodskoi kul'tury. St. Petersburg*. Tartu: Tartuskii Gosudarstvennyi Universitet Publ., 1984. Iss. 664. P. 30–46. (In Russian)

Мухачёв 2021 — Mukhachev D. A. *Visual poetics of St. Petersburg in the works of V. V. Nabokov (Russian period)*. PhD thesis in Philology. Moscow, 2021. 192 p. (In Russian)

Текст 2011 — *Text: theoretical foundations and principles of analysis*. Rogova K. A. (ed.). St. Petersburg: Zlatoust Publ., 2011. 561 p. (In Russian)

Топоров 2003 — Toporov V.N. *Petersburg text of Russian literature*. St. Petersburg: Iskusstvo-SPb Publ., 2003. 614 p. (In Russian)

Уиллис 2008 — Uillis O. Iu. *Poetics of the urban landscape in the prose of V. V. Nabokov of the Russian period of creativity*. PhD thesis in Philology. Moscow, 2008. 193 p. (In Russian)

Художественная речь 2018 — *Artistic speech of the Russian diaspora: 20–30s of the XX century: Text analysis*. Rogova K. A. (ed.). St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2018. 326 p.

Тамми 1992 — Tammi P. The St. Petersburg Text and Its Nabokovian Texture. *Studia Slavica Finlandensia*. 1992, (19): 128–164.